

Сундук с книгами возил по странам и континентам

Бальмонт слыл не только поэтом, но и довольно опытным путешественником

По замыслу академика Российской академии художеств, народного художника России Салавата Щербакова, бронзовый классик будет держать в руках книгу. Таким он видит памятник нашему земляку.

Страницы, на которых мудрость веков

Книгами Бальмонт дорожил безмерно. Отправляясь в плавание по морям и океанам, он набивал кованый сундук не картами и провиантом, а литературой. А в далеких странах наполнял томами сочинений бандероли и отправлял их на родину. Говорил, что, будучи любопытствующим писателем и довольно опытным путешественником, умел в несколько минут заметить многое, чего другой глаз, быть может, не увидит в гораздо более долгий срок: «Но для того, чтобы вполне освоиться с любой страной, нужна известная длительность, которой я был лишен. Впрочем, до поездки я мысленно путешествовал по этим странам через книги, что продолжаю делать и теперь».

Неутомимая страсть к странствиям действительно отличала Константина Дмитриевича. Ему, как говорили современники, выпал «жребий всемирного путешественника». Марина Цветаева писала, что в русской сказке Бальмонт не Иван-царевич, а заморский гость, рассыпающий перед царской дочерью все дары жары и морей: «У меня всегда чувство, что Бальмонт говорит на каком-то иностранном языке, каком - не знаю, бальмонтовском». Отметим, что книгам о том, как он странствовал, уже век.

Искал Атлантиду, мечтая вернуть людей к солнцу

Писатель Лев Эллис видел в Бальмонте «старый тип испанского искателя», странствующего без орбиты, цели и усталости: «Что ищет он? Погибшую Атлантиду? Или даже Лемурию?». Второй мифический континент, напомним, затонул в Индийском океане. Трудно сказать, верил ли в существование этих таинственных цивилизаций наш земляк, но тема эта его волновала. Так же как и солнцепоклонство. Вспомним, что для поэта-символиста образ светила выражал многое: «Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть».

Сундук с книгами, о котором мы сказали, можно увидеть в Шуйском литературно-краеведческого музея имени Константина Бальмонта. Здесь же хранятся фотографии из путешествий. На одной, к примеру, запечатлен корабль «Athenic», на котором наш земляк отправился в большое путешествие по миру. «Бальмонт объехал весь свет. Кажется,

мировая поэзия не знала поэта, который столько времени провел на палубе парохода или у окна вагона», - заметил писатель Илья Эренбург. При этом, куда бы ни отправлялся наш герой, всюду он искал и успешно находил черты родного для него края.

Скучал о березе в тропических чащах

Следы поглощенного в пучине вод континента Бальмонт искал в первую очередь в странах майя, ацтеков и тольтеков, куда он отправился почти сто десять лет назад. Легендарные племена с их ярко выраженным культом солнца называли наследниками исчезнувшей цивилизации. Пирамиды, руины и другие следы древней истории влекут Бальмонта, он становится свидетелем древних ритуалов и переводит, правда, вольно, почти забытые мифы.

В Мехико поэт отправляется из Парижа, куда уехал почти сразу после расстрела мирной демонстрации у Зимнего дворца в Петербурге. На родине отъезд посчитали знаковым. «Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе, иногда капризно, но царил, - писал Максимилиан Волошин. - Мы будем жить без него. И я думаю, что мы все видели его в последний раз. Он не вернется из Мексики или вернется совсем иным...».

Так и случилось. Вернувшись спустя годы в Москву, Бальмонт напишет, что его «сердце где-то бродило и вот наконец вернулось ко мне», «зрение обострилось, слух утончился, я весь пробужденный, во мне поют звоны, я оваян ветром, я оваян светом, взнесен, унесен». Но все это впереди, а через Атлантику наш земляк плыл с тяжелым сердцем: «Я попал в вертящееся колесо. Я был в сплошной движущейся панораме. Минуты истинного счастья новизны сменялись часами такой тоски и такого ужаса, каких я, кажется, еще не знал. Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России».

Его заметки под заглавием «В странах солнца. Из писем к частному лицу» публикует журнал «Весы». В «Золотом руне» выходят «Два слова об Америке. Из писем с дороги». В них он пишет, что странствия были и конными, и пешими. «Не боюсь никаких неудобств, и пока еще не был укушен ящером, не ужален змеей или какой-либо мексиканской красавицей», - шутливо замечал Бальмонт в письме матери. В Соединенных Штатах, куда он попадает вслед за Мексикой и проезжает всю страну с запада на восток, приключений немного. В Нью-Йорке Бальмонт долго ищет, но так и не находит... ни одного книжного магазина. Что, конечно, огорчает, ведь он любит американских поэтов Эдгара По и Уолта Уитмена. Отмечает, что в стране... «мучительно мало свободы», что «американцы - хорошие работники, добродушны, честны, но грубы», что главное для них «делать деньги». Однако в городе он видит воплощение индустриальной мощи, символом которой для него становится «воздушная железная дорога». «Я уже совсем ненавидел Америку, несмотря на ее сказочные области, вроде Аризоны, а Нью-Йорк примирил меня с ней... Я верю в великое будущее Америки. Где есть природная даровитость и страстное стремление, там не может не быть достижения», - пишет поэт.

В сборнике «Змеиные цветы» он пишет, что нужно отойти от России и тогда поймешь, как бездонно ее любишь: «И как очаровательно добродушие русских, их уступчивость, мягкость, отсутствие деревянности немцев, этой металличности англичан, этой юркости французов. Одни испанцы мне милы, но в них утомительна повторность все тех же возгласов и быстрых кастаньет». Вдали от родной земли поэт воспеваеет ее скромный символ:

Береза родная, со стволом серебристым,

О тебе я в тропических чащах скучал.

Я скучал о сирени в цвету и о нем, соловье голосистом,

Обо всем, что я в детстве с мечтой обвенчал.

А яркий рубин сарафана призывнее всех пирамид

После поездки в Америку Бальмонт грезит новым путешествием: «Захотел я посетить и Египет. Увидеть настоящих египтян. Хотя бы и сегодняшних. Памятники египетские хотел увидеть... Из Египта чуть не все вышло, чем дорожим мы». Готовясь к поездке, он читает труды египтологов и пытается изучить древний язык. В Каире он много работал с материалами Национального музея, был в Мемфисе, ездил в долину реки Нил, осматривал знаменитые пирамиды в Гизе, мумии, саркофаги, плиты с рельефами. В книге «Край Озириса», похожей на записки не путешественника, а уже исследователя древностей, он пишет про культ воды и солнца, переводит египетские песни, предания. Описывая все это, наш земляк делает сопоставления с мифами, легендами и песнопениями других народов. И здесь, как ни удивительно, звучит русская тема.

Прекрасней Египта наш Север.

Колодец. Ведерко звенит.

Качается сладостный клевер.

Горит в высоте хризолит.

А яркий рубин сарафана

Призывнее всех пирамид.

Гвинейское селение напомнило русскую деревню

Павел Куприяновский пишет, что чем сильнее Бальмонт тосковал по России, тем сильнее желал путешествия кругосветного. Началось оно в Лондоне, а продолжилось на побережье Южной Африки, Тасмании, Австралии, Новой Зеландии, группы островов Тонга, Табу, Самоа, Фиджи, Новой Гвинеи, Индонезии, Цейлоне, Индии, куда он повернул из Океании, поменяв планы плыть в Америку, а оттуда в Европу. Поэтому, строго говоря, кругосветным плавание не получилось.

Путешествуя, поэт обогащал себя не только новыми впечатлениями, но и сведениями по истории, этнографии, фольклористике каждой страны. К каждой поездке готовился, изучая множество научных трудов. К кругосветке Бальмонт запросил у друзей книги о странах Индийского и Тихого океанов, труды «Мироздание» Вильгельма Мейера, «Общедоступную астрономию» и «Кометы и падающие звезды» астронома Сергея Глазенапа, «Сравнительное языкознание» лингвиста Федора Корша.

Накануне возвращения из путешествия наш земляк писал: «Если бы я должен был ответить, что произвело на меня самое сильное впечатление, я ответил бы - звездные ночи на корабле и вечерние зори. Это вольность безграничного неба над безграничным морем. Дикие красивые лица зулусов и папуасов, этих истых детей Солнца. Упоительные глаза маорийских женщин и их татуированные лица. Сновиденно прекрасные, неправдоподобно воздушные лагунные воды коралловых затонов. Смеющиеся лица тонганцев и самоанцев, дающих наконец почувствовать европейцу, что есть еще на земле счастливые народы, где все сплошь счастливы. Пляски самоанок, на которые нельзя смотреть, не влюбляясь в них. Исполненный нежности и грусти гамеланг, музыка Явы, выслушав которую однажды, уже будешь тосковать по ней всю жизнь. Малайки, которые все очаровательны и грациозны, как красивые маленькие сказки. Необузданный лес на горах дикой Суматры. Это последнее, вместе с коралловыми лагунами, я считаю самым красивым из всего, что я видел в своей жизни, наряду с Кавказом, Мексикой, Испанией и Египтом».

А вот еще зарисовка с натуры: «Лишь теперь... я понимаю, почему Миклухо-Маклай, с детства меня пленивший, так возлюбил Папуа и был ими возлюблен. Я думаю, что сейчас на всем земном шаре есть только две страны, где сохранилась святость истинной первобытности: Россия и Новая Гвинея. Когда ступая, как по святой земле, я шел в селение Анабада, на деревьях же скучивались каркающие вороны, точно я шел к русской деревне...».

О том, что теряется в спешке

Конечной целью путешествия стала Индия, куда он давно стремился, о которой много читал и специально изучал санскрит. Эта страна тоже напомнила ему Россию, но далеко не лучшее в ней: «Та же тоска земная, та же тяжкая ужасающая глушь... Щемящая боль от нее дрожала в душе все время. Трижды несчастная страна, безвозвратно пригнетенная. Вот и все, что пока я могу сказать. Мне глубоко грустно от всего хода человеческой истории. Я считаю, что человечество переходит от ошибки к ошибке, и теперешняя его ошибка - порывание связей с Землей и союза с Солнцем, наравне с идиотическим увлечением механической скоростью движения, есть самая прискорбная и некрасивая из всех ошибок».

Спустя сто лет, а путевые очерки Бальмонта, в том числе «Из южных далей», переводы мифов, преданий, легенд, сказок народов, с которыми он встречался, увидели свет в газетах «Русское слово», «Современное слово», «Речь», «Утро России», в журналах «Северные записки», «Вокруг света» и «Заветы» век назад, слова про ошибки звучат современно...

Фото Леонида КИЯШКО

[Ссылка на публикацию](#)